

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Настоящая жизнь

«Автор»

2001

Александрова Н. Н.

Настоящая жизнь / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2001 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Унылая работа... Личная жизнь – два раза в неделю... По выходным – тоска зеленая... Катя денно и нощно мечтает о том, чтобы ее жизнь резко изменилась. Но... не настолько же?! В квартире любовника Кати обнаружен труп женщины. Ее «друг сердца» пытается подставить любимую девушку бандитам, разыскивающим погибшую. И в довершение всего за ней гоняется таинственный киллер по прозвищу Черный парень. Приключения – это прекрасно... когда они происходят с кем-то другим. А пока что – дожить бы до завтра. А удастся ли?... Главное – не терять головы и чувства юмора! Книга издавалась под названием «Бандиты, баксы и я».

© Александрова Н. Н., 2001

© Автор, 2001

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Александрова

Настоящая жизнь

* * *

Блестящий шарик с бешеной скоростью носился в расписном кратере рулетки. Кара, как загипнотизированная, следила за его движениями. Вращение колеса понемногу замедлялось, шарик, дребезжа, перекатился еще несколько раз и замер.

Семерка. Кара перевела дыхание. Оказывается, пока колесо рулетки крутилось, она вообще забыла дышать.

Молодой человек в темно-красной жилетке и представительных золотых очках, за стеклами которых почему-то совсем не было видно глаз, пододвинул лопаточкой высокую стопку фишек:

– Ваш выигрыш! – И тут же безразличным голосом, как автомат, продолжил: – Делайте ваши ставки, господа!

Кара подняла на него сумасшедшие глаза и тихо проговорила:

– Все на четырнадцать.

Крупье равнодушно передвинул стопку и запустил колет.

– Ставки сделаны!

И снова шарик мечется, мечется в бешено вращающемся круге... Ладони у Кары стали совсем мокрыми.

«Это последний раз... последний раз...»

Она помнила инструкции. Четыре раза. Два, одиннадцать, семь и четырнадцать. Как они это делают? В конце концов, это ее не касается. У нее есть инструкции. Но ладони все равно были мокрыми от пота, сердце билось где-то в горле. Каре было страшно.

Шарик еще раз чиркнул по расписному кругу и остановился. Четырнадцать. Как же они это делают?

Крупье невозмутимо передвинул фишки:

– Ваш выигрыш.

Кара дрожащими руками сгребла фишки в большую кожаную торбу и пошла к кассе. Крупье невозмутимо смотрел ей вслед.

И еще одни глаза неотрывно следили за ней. Брюлик не подходил к рулетке – не хотел светиться, – наблюдал за ней со стороны, из-за столика, но Кара все время чувствовала на себе его тяжелый пристальный взгляд.

– Смотри, без фокусов! – предупредил он ее утром. – Я все время буду рядом! И не перепутай ничего, деньги очень большие, сама понимаешь, ты у нас девочка взрослая, – и посмотрел на нее тяжелым многообещающим взглядом.

Сейчас он поднялся из-за столика и ленивой походкой, вяло волоча ноги, двинулся к ней через зал.

Девушка в кассе отсчитала толстые пачки денег, сложила их на кассовый прилавок и сказала:

– Пересчитайте.

Кара кивнула и приготовилась считать.

В это время двери игорного зала распахнулись, и в помещение ворвались десятка полтора людей в камуфляже и черных масках, с короткими автоматами в руках.

– Все на пол! – заорал старший, поводя стволом автомата в сторону мордастых охранников казино.

Кара, повинуясь мгновенному импульсу, одним движением смела деньги с прилавка в свою торбу, застегнула «молнию» и прижала сумку к животу.

Казино в этот ранний, еще вечерний час было полупустым. Охранники, привыкшие к подобным внеплановым визитам, поспешно ложились на пол. Брюль в злобной растерянности переводил глаза с Кары на людей в камуфляже. Автоматчик ткнул в него стволом и нервно бросил:

– Тебе что, отдельное приглашение нужно?

Брюлик оскалился, но подчинился.

Кара, трясаясь от страха, медленно двинулась вдоль стенки по направлению к двери дамской комнаты. Один из автоматчиков, оказавшийся ближе других, окинул взглядом сквозь прорезь в маске ее скрюченную фигуру, белое от страха лицо и вполголоса проговорил:

– Вали-ка ты отсюда, детка! Здесь взрослые вопросы решаются, ты не при делах, как бы тебе случайно не досталось.

Кара испуганно кивнула и нырнула за дверь туалета. Здесь, трясущимися руками закрыв дверь кабинки, она вытащила из торбы, из-под кучи денег, на которую ей было страшно даже смотреть, серую юбку и теплый невзрачный свитер. Переодевшись, вечернее платье, в котором она играла, – десять квадратных сантиметров блесков и разноцветной паутины, – затолкала в мусорное ведро. Спрятала волосы под серый берет. Огляделась, увидела в углу оставленные уборщицей ведро и швабру, положила свою торбу в ведро и выскользнула из туалета.

Автоматчик в коридоре равнодушно скользнул по ней взглядом – уборщица с ведром и шваброй...

Кара, пряча глаза и стараясь казаться маленькой и незаметной, прошла знакомым ей коридором, толкнула дверь с надписью: «Только для персонала», быстро пересекла еще один коридор, к счастью, никого не встретив, оставила возле двери ведро и швабру, прижала торбу к груди и осторожно вышла на улицу.

– Дроздова, тебя к телефону! – крикнула администратор Алла Федоровна.

Я быстро задвинула ящик кассы и отдала ключ Алле, которая нехотя подошла, чтобы сменить меня на время разговора по телефону. В зале народа было немного, но бросать отдел мы не имеем права – иначе уволят и разбираться не станут.

Трубку я взяла с неприятным чувством. Дело в том, что мне вообще-то редко звонят по телефону, а на работу – почти никогда. В последний раз звонила мать – она вышла на лестницу вынести мусор и случайно захлопнула дверь. Она могла, конечно, перекантоваться у соседей, но на плите остался кипящий суп, так что пришлось мне срочно отпрашиваться на полдня и взять ей ключи, за что Алла Федоровна до сих пор на меня злится.

– Слушаю! – произнесла я в трубку как можно суровее.

– Алло, лапушка, это я! – проворковал нежный голос на том конце провода.

Я резко отвернулась к стене, чтобы девчонки и Алла не увидели моих вытаращенных от удивления глаз. Звонил мой ненаглядный. Его звонок сам по себе не был таким уж неожиданным, но то, что он сказал, повергло меня в совершеннейшее изумление.

– Дорогая, извини меня ради Бога, но сегодня у меня возникли непредвиденные обстоятельства, и мы никак не сможем встретиться. Так уж получилось, не сердись, радость моя, но сегодня – не судьба. Я позвоню тебе потом...

Я наконец закрыла разинутый рот, сглотнула и спросила, с трудом шевеля пересохшими губами:

– Работа?

– Что? – споткнулся он на полуслове. – А? Да, конечно, работа, у меня срочная работа. Так ты не сердись? Я позвоню тебе на неделе... – И он поспешно повесил трубку.

Я стояла, глубоко потрясенная таким поворотом событий. С виду совершенно обычный разговор, и посторонний человек ничего бы не заподозрил. Хотя нет, даже посторонней женщине стало бы ясно, что дело нечисто. Этот его чрезмерно ласковый тон, эти многословные извинения... Любая женщина, обладающая хоть каплей наблюдательности, без труда поняла бы, что мой ненаглядный врет. А я поняла это, как только услышала его голос. Во-первых, он никогда раньше не называл меня лапушкой. А во-вторых, за то время, что мы встречаемся, я настолько хорошо его изучила, что могу предсказать все его слова и поступки еще до того, как он соберется что-нибудь сказать или сделать. Но в этот раз он меня удивил.

Тут я заметила, что до сих пор стою, прижимая к груди плачущую трубку, и Алла Федорвна смотрит на меня из отдела взглядом Медузы Горгоны, потому что набежали покупатели, а она не знает, где что лежит.

До конца рабочего дня оставался еще час, но я никак не могла сосредоточиться на работе. Правда, народа у меня в отделе никогда не бывает много – я продаю счетчики, выключатели, лампочки и розетки. Магазин очень большой, называется «Все для дома», и мы, продавщицы, по выражению директора, являемся маленькими винтиками в общей системе. И если винтик будет работать плохо, его заменят без ущерба для функционирования системы. Он так часто это повторяет, что мы заучили все наизусть. Платят продавцам у нас, по сравнению с другими магазинами, неплохо, так что следует прислушиваться к словам директора и к работе относиться ответственно. Тем более мне, потому что я никак не могу позволить себе потерять работу.

Дело в том, что у меня пожилые и очень бедные родители. Отцу – шестьдесят шесть, маме – на три года меньше. Я у них поздняя, когда я появилась на свет, отцу было уже сорок. Иногда я думаю, что им было бы лучше, если бы меня вообще не было, но с другой стороны, кто им поможет, когда они станут совсем старыми? Родителей не выбирают – повторяю я себе достаточно часто.

Очень давно, когда я еще училась в школе, нас водили в музей. Там мне запомнилась картина одного художника. Картина называлась «Все в прошлом». Там нарисованы старый помещичий дом, запущенный сад и старуха-помещица, которую ведет гулять едва ли не такая же старая служанка. Долго я думала, что и у моих родителей, можно сказать, все в прошлом. Но в последние годы я склоняюсь к мысли, что и в прошлом-то у них не было ничего хорошего.

Правда, не дай Бог, сказать это моему отцу – будет скандал. Он люто ненавидит все нынешнее, как он говорит, безобразие; хорошо одетый человек на иномарке у него обязательно бандит или ворюга, женщина в натуральной шубе – проститутка (он-то называет их более откровенно, но я никогда не употребляю неприличных слов даже в мыслях, потому что директор нашего магазина очень следит за культурой речи своих продавцов).

Отец теперь дежурит в проходной одного завода, а раньше работал там же токарем какого-то наивысшего разряда. В свободное от работы время по будням он сидит у телевизора и ругает все программы подряд, а в выходные вкалывает на маленькой даче, больше похожей на хибару.

«Раньше у нас все было, но они сделали нас нищими», – все время повторяет отец. По молодости лет я, бывало, пускалась с ним в споры. «Что было? – говорила я. – Эта хибара на болоте? Так она и сейчас есть. Жалкая квартирka из двух комнат с совмещенным санузлом? Опять-таки она никуда не делась. Если у вас все было, так где оно теперь – это все? Или хотя бы то, что от него осталось...»

Однажды отец страшно разъярился, разумеется оттого, что ему нечего было ответить, и ударил меня. После этого все споры разрешились сами собой. Я, конечно, не подарок, у меня куча недостатков, но одно я знаю о себе точно: еще одного удара по лицу я не перенесу. Придется уходить из дому, а мне некуда, потому что на квартиру заработать не могу, а замуж меня никто не берет, как ехидно замечает время от времени отец. Родителей не выбирают...

Сколько себя помню, дома мне всегда было скучно. Жили мы на окраине города, в «спальном» районе, детский садик – в своем дворе, школа – в соседнем, универсам – напротив. В выходные в любое время года – на дачу, где зимой я невыносимо скучала от одиночества. Так что, когда во втором классе нас повезли первый раз на автобусную экскурсию по городу, я была поражена. Мне казалось, что за окнами автобуса совершенно другой город, другой мир, и не верилось, что можно в этом другом городе жить, ходить в школу...

В детстве я доставляла мало хлопот родителям. Я не болела, училась хорошо, а всех мальчиков отец отвадил грубостью. Несмотря на то что учителя советовали продолжать учебу, отец забрал меня из школы и заставил поступить в торговый техникум. У него с юности засела в голове мысль, что люди, работающие в торговле, живут богато. Я закончила техникум с отличием, но о дальнейшей учебе нечего было и думать, нужно было работать. Однако работу хорошую никто не приготовил, и после долгих поисков пришлось идти в продовольственный магазин, в котором работал охранником мой бывший одноклассник. В продовольственной лавочке и так-то работать – не сахар, потому что продукты в большом количестве вызывали у меня приступ тошноты, особенно после того, как я увидела, в каком виде они лежат в подсобке. А тут еще одноклассник решил, что он меня благодетельствовал такой работой, и стал требовать благодарности.

Школа у нас была, как теперь выражаются, дворовая, и дети в ней учились соответствующие. И у меня все эти коротко стриженные дебилы в широченных штанах вызывали только отвращение. Одно время я даже думала, что со мной не все в порядке: как это – всем девчонкам нравятся такие мальчики, а мне – нет. В техникуме у моих подружек ходили в кавалерах такие же дебилы – только к широким штанам и бритым затылкам добавилась машина.

В общем, с тем одноклассником мы разобрались – он получил свое и, кстати, очень удивился, что мне удалось до таких лет сохранить невинность. Парень он был неплохой – заметил, что мне неприятно, когда он ругается матом, и старался при мне этого не делать. И машина у него была – старая БМВ, он бесконечно с ней возился. Скажу сразу: кроме скуки и некоторых неприятных ощущений вначале, секс ничего мне не дал.

Дни проходили, похожие один на другой, я рассталась с одноклассником, нашла работу в другом магазине, попримичнее, но там обязательно нужно было хоть изредка спать с директором. Такой уж он установил порядок. Через некоторое время мне это надоело, я устроилась в магазин обуви, там хозяйкой была женщина, но она оказалась такой стервой, что пришлось уволиться через месяц.

Родители очень не одобряли моего метания с одной работы на другую, отец говорил, что таких работников у них раньше называли летунами, но я взяла себе за правило не вступать с ним вообще ни в какие разговоры и неукоснительно этому правилу следовать.

И вот, полтора года назад, я после долгого отбора и собеседования поступила в большой магазин «Все для дома». Думаю, сыграл свою роль диплом техникума и еще то, что я не жую резинку, правильно говорю и не делаю грамматических ошибок при написании ценников.

С личной жизнью все тоже как-то определилось. Мы познакомились с ненаглядным на чужой свадьбе. Я понравилась ему скромностью, он мне – галантностью. Сама не знаю, отчего я согласилась встретиться с ним на квартире его приятеля, который был в отъезде.

Вы очень удивитесь, но ненаглядный покорила меня чистотой. Вся одежда, носовой платок, да и сам он весь были абсолютно, стерильно чистыми. И пахло от него свежeweымытым телом и свежeweыстиранным бельем, а не дешевым дезодорантом пополам с потом, как от предыдущих моих знакомых мужчин.

В постели ненаглядный оказался ужасно требовательным, по его собственному выражению, ему нравился долгий, серьезный секс. Он проводил со мной сексуально-образовательные беседы, приносил «Камасутру» и разные книжки типа «Как стать сексуально привлекательной женщиной». Я с удовольствием слушала и читала, потому что вообще люблю узнавать новое,

но через некоторое время поняла, что вряд ли удастся мне стать сексуально привлекательной женщиной. Возможно, дело было в том, что мой ненаглядный не был сексуально привлекательным мужчиной.

Внешность у него довольно своеобразная. Не могу назвать ее неприятной, но все же он, как говорится, мужчина на любительницу. Он похож на героев советских фильмов пятидесятых годов, которые так любят смотреть мои родители. Там худощавый брюнет с усиками обязательно в конце оказывается отрицательным типом, а мордастый блондин всегда положительный и передовик производства. Мой ненаглядный как раз и похож на такого положительного героя, причем не на одного какого-то артиста, а на всех сразу. Ему тридцать два года, но выглядит он старше, возможно, из-за солидного веса – не толстый, но упитанный.

И голос у него соответствующий – красивый баритон, и волосы лежат естественной волной. Он хороший собеседник, правда, больше любит слушать себя, чем меня, но какой же мужчина этого не любит? Мои предыдущие вообще ничего не говорили, только сопели...

Однако через некоторое время я заметила, что все истории моего ненаглядного повторяются, и что его чистота и аккуратность имеют какой-то маниакальный оттенок – он, например, мог встать во время разговора, чтобы расправить складку на покрывале. Это несколько настораживало, тем более что в постели у нас с ним не очень-то получалось. То есть, он-то считал, что все в полном порядке, потому что единственное, чему я научилась, прочитав кучу книг, – это притворяться. Я давно подумывала, как бы половчее с ненаглядным распротеститься навсегда, не обижая его, но других сексуальных партнеров у меня не было.

Ненаглядный, как я уже говорила, всегда приглашал меня в квартиру своего приятеля, работавшего за границей, потому что жил он, опять-таки по его рассказам, с матерью и сестрой, и встречаться там было нельзя. Но мне понадобилось не много времени для того, чтобы сообразить, что квартира никак не может принадлежать молодому мужчине. Ну, допустим, приятель, уезжая, забрал с собой все свои вещи: одежду, бритву и остальные предметы мужского обихода. Но должно же остаться хоть какое-нибудь старое ненужное барахло – брюки, там, кроссовки... Вместо этого я обнаружила в стенном шкафу пару старушечьих резиновых бот, а также вязаные носочки с трогательными розовыми полосочками. Единственной мужской обувью были домашние тапки, которые ненаглядный надевал в коридоре с похвальным постоянством. Тапки были ему впору, а размер ноги у него аж сорок четвертый – я, кажется, говорила, что он мужчина крупный. Вполне возможно, что и приятель такой же... Бывают, конечно, совпадения, но все же...

Книжки в секрете стояли сплошь про вязание и диетическую пищу, на простынях, которыми ненаглядный застилал старый продавленный диван, я заметила красиво вышитую монограмму – две буквы «Т», «О». Все это осознала не сразу, потому что ненаглядный никогда не оставлял меня в квартире одну. Мы встречались по средам и субботам, – это он завел такой порядок. По средам наскоро пили чаек с бутербродами и укладывались в постель, проводили там часа два, после чего ненаглядный подвозил меня до дома, но с родителями знакомиться не спешил.

По субботам же ненаглядный встречал меня после работы, мы заходили в магазин и покупали для ужина какие-нибудь полуфабрикаты. Сексом мы занимались не спеша, потому что в субботу родители были на даче и я могла остаться ночевать у ненаглядного – некому было дома орать, что я такая-сякая и где-то шляюсь по ночам. Родителей не выбирают...

Так вот, все это время ненаглядный так ненавязчиво в этой однокомнатной запущенной квартирке за мной присматривал. Он не только не выходил из квартиры, но даже в комнате меня одну старался не оставлять. И всегда сам доставал белье из шкафа и посуду из серванта. Доставал, надо сказать, все всегда безошибочно, поэтому я сделала вывод, что квартира эта ему хорошо знакома, обжился он в ней, можно сказать. На мои осторожные вопросы о приятеле ненаглядный отмалчивался. Наконец я просто приперла его к стенке, сказав, что в квартире

раньше жила женщина, скорее всего – пожилая. И привела в доказательство книги по вязанию и резиновые ботики. Мой ненаглядный посмотрел как-то странно и нехотя ответил, что квартиру эту приятелю оставила недавно умершая одинокая тетка.

Что ж, инцидент был исчерпан, но к тому времени я уже настолько изучила своего ненаглядного, что без труда поняла, что он чего-то недоговаривает, что с квартирой что-то не то.

Ненаглядного подвела любовь к чистоте. Как я уже говорила, он просто до безумия чисто-плотен. И принимает душ после наших занятий сексом не менее пятнадцати минут. А душ принимать при открытой двери ванной ведь не будешь – сквозняк, можно простудиться. Имея пятнадцать минут свободного времени каждую среду и субботу, я недели за три планомерно обшарила квартиру и отыскала то, что нужно, а именно: квитанции по квартплате, а также счета за телефон и электричество. И там черным по белому в графе «пользователь» было сказано: Стебельков Герман Иванович, то есть мой ненаглядный собственной персоной! Были там и старые квитанции, в которых пользователем значилась Одинцова Глафира Андреевна – та самая тетка, которая оставила квартиру племяннику. Только племянником этим был не приятель, а мой ненаглядный.

Спрашивается, для чего ему было нужно врать? А для того, – ответила я сама себе, – чтобы обезопасить себя от моих приставаний. А вдруг я захочу за него замуж? А у него на все готов ответ: и рад бы жениться, да не могу, потому что мать с сестрой на шее висят и жить негде. Кстати, это еще надо проверить, насчет больной матери, может, ее и вовсе нет. А может, он вообще женат? Вряд ли, усомнилась я, какая женщина выдержит этого зануду? И как ему могло прийти в голову, что я захочу за него замуж? При одной только мысли, что должна буду видеть его чаще, чем два раза в неделю, я ужаснулась, а потом на меня напал нервный смех, так что ненаглядный забеспокоился и раньше времени прервал свои водные процедуры, я едва успела спрятать квитанции на место.

Вы, может быть, думаете, что я тут же устроила ненаглядному скандал, упрекая в обмане? Не тут-то было. Как раз теперь он начал вызывать у меня какой-то интерес. Раз я поймала его на вранье, то у меня тоже развязаны руки. Осознав это, я поняла, что наш вялый роман несколько оживится. Так оно и получилось. Я начала находить удовольствие в некоей игре. Например, когда мы находились с ненаглядным рядом, я заранее представляла, что он скажет или сделает в следующую минуту, сколько времени ему понадобится, чтобы отреагировать на какое-либо событие, и как он будет реагировать.

Я вспомнила последнюю нашу встречу в среду, как я вдохновенно пела и стонала в постели, дожидаясь кульминации, я просто превзошла самое себя! Наконец все закончилось.

Сейчас пройдет некоторое время, и на шестой секунде он вздохнет и скажет, что я – его радость. Раз... два... три... четыре... пять... шесть... Он сказал эти слова на седьмой секунде. Почему-то самое обидное – это ошибаться в таких мелочах!

– Дроздова, что с тобой сегодня происходит? – Алла Федоровна стояла по ту сторону прилавка и пристально на меня смотрела.

Я очнулась от воспоминаний и уставилась на нее таким же взглядом. В отделе никого не было, если не считать пожилого дядечки, который близорукко шурился, разглядывая выключатели.

– Не стой столбом, обслужи покупателя! – рыкнула Алла.

– Спасибо, я еще не выбрал, – смутился дядечка.

Алла ретировалась, а я снова углубилась в размышления. В среду все было как обычно, и вот сегодня, в субботу, он звонит мне и сообщает, что встретиться не может. За все время нашего знакомства такого не случалось ни разу! Среда и суббота – это святое. У ненаглядного это время запланировано на секс, и случись хоть атомная война, он своих планов не изменит. Уж я-то знаю. Насчет срочной работы – все вранье, он работает в какой-то мелкой фирмочке, ничего там срочного быть не может. Значит, у него другая... Вот так, дожила я – другая! При-

чем встретил он ее только что, иначе позвонил бы мне заранее, придумал бы какую-то правдоподобную отговорку. Что же получается? Встретил, подклеил и сразу же везет ее в свою однокомнатную квартиру. А чего тянуть? Ведь сегодня суббота, у него условный рефлекс. Но, однако, как же нашлась такая баба, которая заинтересовалась моим ненаглядным? Чем он ее привлек? Деньгами? Вряд ли, денег-то у него нет больших, а на шалаву какую-то он и сам на пошморит – чистоплотный, заразы боится...

Эту загадку я должна разрешить. А что, если сегодня после окончания работы поехать туда? Забыла сказать: в процессе долгих поисков я нашла в нижнем ящике кухонного стола запасной ключ от входной двери. Дверь была крепкая, и замок в ней – старый, чуть ли не довоенный. Ключ большой, фигурный. Должно быть, ненаглядный и сам не знал, что он там лежит, иначе забрал бы. Правда, запасные ключи от его машины открыто висели на гвоздике в прихожей – он говорил, что дома их куда-нибудь засунут. Короче, я попробовала ключ – он подошел. И я без зазрения совести сунула его в сумочку, потому что мне хотелось посмотреть, что происходит в квартире и в остальные дни. А вдруг ненаглядный приводит туда еще кого-то? Раз уж поймала его на вранье...

Но пока я так и не собралась туда сходить.

И вот сегодня они там развлекаются и доходят уже до полного экстаза, а я в это время тихонько открываю дверь своим ключом и вхожу в комнату в самый интересный момент... Представив себе выражение, которое появится на физиономии ненаглядного, я даже засмеялась, так что дядечка-покупатель испуганно встрепенулся.

– Вы, наверное, очки дома забыли? – спросила я его ласково. – Давайте я вам все ценники прочитаю.

– Спасибо, милая, – растрогался дядечка.

И среди покупателей иногда попадаются вежливые люди!

Рабочий день наконец закончился, и я поспешила исполнить свой план.

Подходя к «нашему» дому, я поняла, что была права: машина моего ненаглядного, его паршивая бежевая «копейка» с трещиной на лобовом стекле и пятном ржавчины, предательски проступающим на левом крыле, стояла на обычном месте. Значит, тут он, родимый. «Если близко кискин хвост, значит киска близко!»

Итак, я подошла к двери парадной, открыла ее, вошла... Хотя я и была полна решимости застукать моего ненаглядного на месте преступления – а в том, что он сейчас с бабой, я нисколько не сомневалась, – тем не менее я все-таки не спешила, собиралась с силами и неосознанно оттягивала время.

И в этот момент я услышала хорошо знакомый мне характерный скрип «нашей» двери. Кто-то открыл ее, стараясь не производить лишнего шума, и так же осторожно закрыл.

Неужели так быстро закончили? Не может быть, ведь сегодня суббота, а по субботам ненаглядный никогда не спешит.

Это показалось мне странным, и, повинуясь какому-то неосознанному импульсу, я решила спрятаться.

Слева от лестницы была обшарпанная дверь в подвал с непонятной надписью: «Элеваторный пункт». Я дернула дверь, она оказалась незаперта. Я скользнула за нее, прикрыла дверь за собой и, прижавшись к довольно широкой щели, стала наблюдать за лестницей. Спустя несколько секунд мимо меня прошел парень, спустившийся со второго этажа. Парень как парень – черная кожаная куртка, черная вязаная шапочка, черные джинсы, кроссовки, короткая стрижка... Увидишь на улице – не обернешься и не запомнишь, таких вокруг миллионы. Только вот походка очень мягкая, пружинистая, бесшумная. Почему-то мне стало страшно. Дверь за парнем закрылась, а я все стояла и стояла в своем укрытии, не решаясь выйти, не

зная, что и подумать. При чем здесь вообще мужчина? Он что, мне с мужиком изменяет, что ли? Этого только не хватало...

Наконец очнувшись от пробравшего до костей холода, я сбросила странное оцепенение и вышла на лестницу. Надо было все-таки осуществлять задуманное. Правда, появление этого странного парня как-то не укладывалось в нарисованную мной стройную схему подлой измены ненаглядного... Но, может быть, мне послышался скрип двери, и «черный человек» вышел из другой квартиры...

Я подошла к хорошо знакомой двери на втором этаже и остановилась. Кураж как-то пропал, и мне уже расхотелось бить посуду и выдирать чужие волосы. Но тут я вдруг почувствовала доносящийся из квартиры запах газа.

Это еще что такое? Я решилась: достала ключ, открыла дверь и вошла.

Газом воняло невыносимо. Я закашлялась, прикрыла рот платком и, как тайфун, ворвалась в комнату.

Как я и ожидала, диван, каждая пружина которого была хорошо знакома моей многострадальной спине, был расстелен.

Как я и ожидала, на нем валялась в чем мать родила какая-то мерзкая девка.

Но чего я совершенно не ожидала – девка эта была мертвой.

Не спрашивайте, как я это определила, – просто поняла сразу, что девица мертва. Поза у нее была какая-то несуразная, живые люди так не лежат.

Я подскочила к окну, изо всех сил рванула раму, отодрав наклеенные на зиму полосы пожелтевшей бумаги, глотнула сырого свежего воздуха. В голове прояснилось, и я кинулась по квартире искать своего ненаглядного. Нашелся он очень быстро – какие уж тут долгие поиски в однокомнатной квартире!

Ненаглядный, тоже совершенно голый, лежал на кухне, голова в открытой духовке. Газ, конечно, был пущен на полную катушку. Зрелище было душераздирающее, но во мне оно вызвало только сильнейшую злость.

Я моментально закрутила газовые краны, распахнула окно и подтащила к нему этого придурка. Дело в том, что он, в отличие от шлюхи на диване, подавал еще признаки жизни, хотя лицо его было изумительного серо-синего цвета и опухло, как надувная резиновая подушка.

Свежий воздух и весенний холод оживили его, он зашелся жутким кашлем, а потом его начало рвать. Наконец в глазах у него появилось осмысленное выражение, он увидел меня, потом скосил глаза на собственную малопривлекательную наготу и с трудом проговорил:

– Ты... ты как здесь?

– Обыкновенно, – ответила я тихо, хотя внутри все клокотало от бешенства, – а ты?

– Я? – Он с трудом повернул голову, потом вздрогнул, потому что кухня здорово выстудилась; окно я распахнула настежь, а на улице середина апреля – не больно жарко. – Я... вот тут...

Понемногу до него доходили все предыдущие события, во всяком случае, я готова была поклясться: он вспомнил, что пришел сюда в этот раз вовсе не со мной. Уж очень паскудно забегали у моего ненаглядного глазки.

– Что происходит? – Он клацнул зубами.

– Это я тебя хочу спросить. – Я закрыла окно, после чего вымыла руки тут же, на кухне.

– Хо-холодно...

И, поскольку я молчала, ничуть не разжалобившись его несчастным видом, ненаглядный решил прояснить для себя ситуацию:

– Тут больше никого нет? – задал он осторожный вопрос.

– Как тебе сказать? – притворно задумалась я. – Думаю, все же кто-то есть.

Он тяжело вздохнул и воззрился на меня, ожидая неизбежного скандала.

– Тебе лучше самому посмотреть в комнате, – злорадно продолжила я.

Он снова тяжело вздохнул и потащился в комнату. Я в упоении прислушивалась. Вот тяжелые шаги протопали по прихожей, дверь в комнату отворилась, вот четыре медленных шага до дивана... Для того, чтобы понять, что девица на диване – покойница, мне понадобилось не больше двух секунд. Но у ненаглядного в голове туман из-за отравления газом, так что ему потребуется гораздо больше времени... Ну вот, дошло: я услышала протяжный стон и глухой звук падения тела на пол.

Я пулей кинулась в комнату. Как бы он совсем копыта не отбросил?!

Оказалось, однако, что сознания ненаглядный не потерял, просто ноги его больше не держали от стольких потрясений, так что упал на пол он осторожно, ничего себе не повредив. Глаза его были какого-то сизого цвета, губы прыгали, как две лягушки, – кстати, и цветом они напоминали лягушек.

– Ч-что это? – ненаглядный глазами показывал на диван.

– Знаешь, мне это надоело! – взорвалась я. – Возьми себя в руки наконец и осознай, что это – твоя мертвая девка.

Я подошла к дивану поближе и добавила спокойно:

– Судя по темным пятнам на шее и вытаращенным глазам, ее кто-то задушил.

Ненаглядный вдруг вскочил на ноги и бодро заторопился в ванную, откуда вскоре послышались характерные звуки: его опять вырвало.

Я взяла простыню и прикрыла голую покойницу. Потом я закрыла окно, собрала в комнате разбросанную одежду ненаглядного и отнесла на кухню. Газом пахло, но гораздо слабее.

– Ты скоро? – заглянула я по дороге в ванную.

– Д-душ, – заныл он.

– Обойдешься. Не до душа сейчас. Умойся наскоро, зубы почисти и выходи.

Он не посмел спорить.

Я немного прибралась на кухне, чтобы там можно было спокойно поговорить, хотя вряд ли у нас получится спокойный разговор. Но я решила не нервничать попусту и не ругаться с ненаглядным – все равно дело, что называется, сделано, и нам нужно сообща подумать, как выбраться из создавшегося положения с наименьшими потерями. Мои оскорбленная женская гордость и обида на подлого изменщика как-то отошли на второй план.

Он вошел уже в трусах и стал надевать брюки, путаясь в штанинах. С пуговицами на рубашке он тоже возился слишком долго – руки дрожали.

– Ну? – нарушила я наконец затянувшееся молчание. – Что здесь произошло?

– Ну... – замямлил он.

– Слушай... – зловеще прошипела я, – сейчас же рассказывай, кто такая эта девица! Где ты ее подклеил, и что случилось потом? Рассказывай подробно и не смей врать, я все равно узнаю!

Он испуганно на меня покосился, но послушно забубнил. Вообще весь он выглядел поникшим, как сдутый воздушный шар, и голос стал каким-то хриплым.

– Я ехал с работы, а она попросила подвезти.

– Где это было? – перебила я.

– Ну там, на проспекте Равенства, как только я со стоянки выехал.

– Дальше! – резко приказала я.

– Ну, по дороге разговорились... и она... дала понять... – Он надолго замолк.

– В общем, она сама тебя подклеила, а ты и купился, – припечатала я.

Ответом мне был душераздирающий вздох.

– Катя, прости меня, – прошептал он, глядя в пол.

– Ты что – рехнулся? подпрыгнула я на стуле. – Ты думаешь, я злюсь из-за того, что ты привел эту девку? Да пойми ты наконец, что она мертвая. Мертвая! – проорала я. – И если мы немедленно не придумаем как быть, нам с тобой обеспечены огромные неприятности.

- Тише! – Он испуганно покосился на окна.
- Соображаешь! – обрадовалась я. – Не совсем мозги отшибло. Рассказывай дальше, не стесняйся.
- Так, как-то случайно, я ей предложил сюда поехать.
- Случайно... – протянула я. – А может, это она предложила?
- Она была не против. – В голосе этого Казановы я услышала самодовольные нотки.
- Так сразу и поехали?
- Ну да, она еще спросила, отдельная ли квартира и можно ли остаться ночевать.
- Так-так, кое-что проясняется... Значит, ты привез ее сюда. Никуда больше по дороге не заезжали?
- Да, – вспомнил ненаглядный, – на вокзал заезжали, сумку она там оставила.
- Какую еще сумку?
- Сумка у нее была, довольно большая, а пальто не было.
- Налегке, значит... Ты продолжай, продолжай!
- Ну... я... – снова замямлил он.
- Сюда приехали, постельку ты расстелил. Простыни хоть поменял? – издевалась я. – А потом что было?
- Потом я в душ пошел.
- Как всегда, – согласилась я, – привычки твои мне известны.
- В коридор вышел, только помню, что в голове будто что-то взорвалось, – и все, сознание потерял. Очнулся – ты сидишь, и газом воняет.
- Очевидно, такой медленный подробный разговор оказал на ненаглядного положительное воздействие, потому что он как-то подобрался и выглядел уже не так кисло.
- А теперь я спрошу, – начал он.
- Ну, спрашивай.
- Как ты в квартиру попала?
- Я молча принесла из прихожей свою сумочку и показала ему ключ.
- Я нашла его в ящике стола.
- Ты взяла без спросу ключ от мо... от чужой квартиры? – завопил ненаглядный в праведном негодовании.
- Давай сразу проясним некоторые вопросы, чтобы потом к ним не возвращаться, – спокойно заговорила я. – Я прекрасно знаю, что квартира эта – твоя, я видела квитанции. Квартира твоя и тетка тоже была твоя, а когда она умерла, то квартира отошла тебе. Так что в твоих интересах не поднимать сейчас вопрос о честности и порядочности.
- Он заткнулся, как слив в раковине, – плотно и надолго.
- Значит, ты твердо уверен, что когда пошел в душ, твоя... приятельница была жива-здоровая? Ты ее часом в припадке страсти – не того? – осведомилась я.
- Ненаглядный только возмущенно замотал головой.
- Ладно, тогда я расскажу, что видела. На лестнице я услышала, как скрипит входная дверь твоей квартиры. Я спряталась внизу в подвале и заметила, как мимо прошел довольно неприятный тип, весь в черном. Я немного постояла еще внизу, а потом пришла сюда, открыла дверь своим ключом и нашла тебя – в духовке, а ее – мертвую.
- Допустим, – процедил этот наглец. – Но я тебе не верю. Какой еще человек в черном? Что ты несешь? Если у тебя был ключ, то ты – первая подозреваемая. Пришла, увидела, что я не один, приревновала, задушила ее, а меня стукнула по голове.
- Ага, а потом положила тебя к духовке, выкрутила все краны и ушла, – подхватила я. – А потом почувствовала муки совести, вспомнила, как мы с тобой были счастливы в этой вот квартире, вернулась и спасла тебе жизнь! Слушай, это даже не смешно и, вообще, не выдерживает никакой критики. С таким же успехом я могу утверждать, что ты в припадке садизма

задушил свою случайную приятельницу, а потом, испугавшись содеянного, решил покончить жизнь самоубийством, отравившись газом. Кстати, – меня осенило, – ведь убийца-то так и задумал. И все бы поверили, даже милиция.

– Милиция! – ненаглядный приподнялся со стула и смотрел на меня строго. – Нужно вызвать милицию! Ведь у нас там труп...

Я посмотрела на него с интересом. Казалось бы, мы довольно долго были знакомы. Я, конечно, знала, что ненаглядный не семи пядей во лбу, но все же он производил впечатление солидного, рассудительного человека. Ну зануда такой, аккуратист, чистюля. Но я никогда не подозревала, что он полный идиот.

– Милиция... – как бы в раздумье пробормотала я. – Что ж, звони. Только я расскажу тебе, что будет.

– Ну...

– Приедет милиция, увидит труп, слушать наши долгие объяснения не будет – им вечно некогда. Труп увезут в морг, а нас, как наиболее вероятных подозреваемых, сцапают и посадят. Не знаю уж, кого потом они определяют в убийцы – тебя или меня, но ночевать сегодня мы будем в камере и еще много времени там проведем. Ты этого хочешь?

– Нет, – ответил он без колебаний.

– Умница! – обрадовалась я. – Значит, помощь милиции мы отменяем.

– Почему это в милиции подумают, что это я ее убил? – вдруг заулыбался ненаглядный. – Ты же мне веришь...

– Я верю потому, что знаю тебя как облупленного, и потому, что я видела настоящего убийцу. Но они-то мне не поверят, решат, что я тебя выгораживаю.

Это еще кто кого выгораживает! Ты больше подходишь на роль подозреваемой! Ты убила ее из ревности! То есть, это милиция так подумает, – поправился ненаглядный, взглянув на меня внимательнее.

Очевидно, в глазах моих он прочел что-то очень для себя неприятное, потому что сник и даже отодвинул свой стул подальше от меня.

– Ах вот как... – выговорила я медленно. – Так слушай, я расскажу тебе, что тут случилось на самом деле. Девушка, – я кивнула в сторону комнаты, – была связана с каким-то криминалом. Очевидно, ей срочно нужно было от кого-то удрать. Она останавливает первую попавшуюся скромную машину, заигрывает с водителем, дает ему понять, что не прочь развлечься, предварительно узнав, что есть место, где можно спокойно пересидеть ночь. Только такой самовлюбленный дурак мог подумать, что соблазнил ее своей внешностью и дурацкой «копейкой»! Ей просто нужно было где-то спрятаться до утра!

Я решила не стесняться в выражениях и называть вещи своими именами, чтобы ненаглядный наконец понял, какого он сваял дурака.

– Но, – продолжала я, – планам девушки не суждено было осуществиться. Ее выследили. Убийца пришел в эту квартиру, стукнул тебя по голове, а ее задушил. Потом он сунул тебя в духовку, открыл газ. И если бы не пришла я, то все могло бы для тебя кончиться летальным исходом. Потому что соседи, услышав запах газа, прибежали бы и начали звонить. А всем известно, что в наполненной газом квартире нельзя ни звонить, ни свет включать. Потому что от искры газ может взорваться. Так и случилось бы, и в квартире нашли бы только два обугленных трупа. А так я тихонько открыла дверь ключиком, только вот благодарности от тебя не дождалась.

– Что же теперь делать? – простонал ненаглядный, потому что упоминание о двух обугленных трупах очень плохо на него повлияло.

– Вот, – оживилась я, – слышу толковый вопрос. От трупа нужно избавиться.

– Как это? – Он вытаращил глаза.

– Молча, – сказала я, – обязательно молча. Мы должны запаковать труп во что-нибудь нейтральное, вывезти его куда-нибудь за город и там спрятать так, чтобы сразу не нашли. А потом жить как ни в чем не бывало. Мы ничего не видели, ничего не знаем, никого не помним. Девушка скрывалась? Скрывалась. Ее нашли и убили ее дружки. Уж они-то точно не будут расследовать ее смерть. Милиция в полном неведении, даже если и подадут родственники в розыск – ну, пропала и пропала. Уехала в теплые края! Ты никого в машину не подсаживал, сюда никого не привозил – вообще мы с тобой весь вечер вместе были, как всегда!

Я остановилась, перевела дух и посмотрела на ненаглядного. Он рассматривал меня с каким-то странным выражением.

– Ты так спокойно об этом рассуждаешь... – протянул он.

– Что значит – «спокойно»? – завелась было я, но прислушалась к себе и поняла, что он имеет в виду.

Действительно, я совершенно не волновалась. То есть я была сильно возбуждена, но это только подстегивало меня, хотелось немедленно действовать. И еще что-то изменилось внутри меня, но заниматься самокопанием сейчас не было времени.

– Ладно, тянуть нечего, не люблю неприятное надолго откладывать.

Я вошла в комнату. Там ничего не изменилось, труп по-прежнему валялся на диване. Я собрала разбросанную женскую одежду: белье, теплый свитер, юбку, ботинки... Из кармана юбки вывалилась косметичка. Я наскоро перебрала содержимое: пудреница, помада, носовой платок – все обычное, а вот еще: за подкладку засунуто немного денег и красная книжечка – паспорт.

– Полозова Каролина Викторовна, – прочла я вслух. – Ну и имечко! Русская, год рождения одна тысяча девятьсот семьдесят шестой, место рождения – город Новохоперск.

Я перелистнула страничку. Прописка в Новохоперске, потом еще один штамп – выписана, а здесь, в Санкт-Петербурге, штампа о прописке нет.

– Темная личность эта твоя Каролина. Нигде не прописана. Ну, так даже лучше. Родственников у нее здесь нет.

Я нашла в шкафу старые ножницы тетки Глафиры и аккуратно начала разрезать одежду во многих местах.

– Что ты делаешь? – вскричал ненаглядный.

– Одежду надо выбросить, я режу, чтобы никто не мог воспользоваться. На рваные тряпки никто не обратит внимания. Косметичку тоже выбросим, а паспорт надо бы сжечь...

Я сунулась было на кухню, но сообразила, что в квартире все еще достаточно газа. Как бы пожар не устроить! И я положила паспорт убитой девушки в потайное отделение своей сумочки.

– А как же мы ее повезем – голую? – ненаглядный как-то странно пустил петуха.

Я взглянула на него пристальнее и увидела, что в глазах у него стоят слезы. Этого только не хватало! Рыдать положено женщине, а плачущий мужчина смешон, не его это амплуа. Хоть и пишут в книжках, что даже самые сильные мужчины способны рыдать от переживаний и горя, я в это не верю. И плачущий мужчина вызывает у меня только отрицательные эмоции, потому что отец раза два в году напивается и плачет потом пьяными слезами о своей погубленной жизни.

– Немедленно прекрати! – проскрежетала я. – Не смей распускаться, у нас еще столько дел!

– Я не могу. – Он все-таки разревелся.

Второпях я сунула ему платок из косметички Каролины, это вызвало новый приступ плача. Бормоча ругательства, я бросилась на кухню и принесла ему мокрое полотенце. Вытирать слезы, смешанные с потом, мне пришлось самой – он уже и руки не мог поднять.

– Слушай, возьми себя в руки! – пыталась я его утешать.

– Извини. Со мной никогда такого раньше не случалось.

– М-нда. Я тоже раньше никогда не прятала трупы.

Пока он приходил в себя, я прошлась по квартире и посмотрела, не упустила ли чего. Я забрала вещи Каролины, моих в квартире не было. В коридоре на гвоздике висели запасные ключи от машины ненаглядного. Сама не знаю почему, но я прихватила их, оглянувшись на дверь. Ненаглядный был в таком состоянии, что ничего не заметил.

– Ну что ж, приступим, – решительно сказала я и откинула закрывавшую труп Каролины простыню. – Скатерть тащи!

– Ка... какую скатерть? – заплетающимся языком спросил ненаглядный, в ужасе косясь на труп своей случайной подружки.

– Какую-какую, – передразнила я его, – самую большую, какую найдешь! Надеюсь, скатерти у тетки были?

– Сейчас...

Он полез на антресоли – довольно уверенно, надо сказать, – и вытащил оттуда большую красивую скатерть в ирисах, вышитых гладью.

– Сокровище! – воскликнула я с невыразимой мукой в голосе. – Неужели нет ничего попроще?

Он послушно достал скомканную невзрачную скатерть в бежевую клетку.

Мы разложили скатерть на полу возле дивана, и я осторожно взялась за труп, чтобы стащить его на пол. Ненаглядный смотрел на тело в ужасе и не мог к нему прикоснуться. Надо сказать, мне это тоже не доставляло большого удовольствия, но я виду не показала и прикрикнула:

– Сейчас ты к ней боишься прикоснуться? Раньше надо было бояться, тогда бы и не случилось ничего! Все из-за тебя! Ну, посадил бы в машину, подвез куда надо, – извините, мол, девушка, больше ничего не могу для вас сделать, меня любовница ждет... А ну, берись!

Он выполнил команду, быстро и не раздумывая, как в армии.

– Молодец!

Мы благополучно скатили ее на пол и завернули в скатерть. Теперь, когда тела не было видно, стало не так страшно – сверток как сверток!

Ненаглядный опять застыл в ожидании приказа. Сам он, похоже, соображать совершенно не мог.

– Что стоишь? Выходи, заводи машину и подгоняй к самому подъезду.

Он мгновенно кинулся к дверям – видно, очень уж страшно ему было оставаться в этой квартире. Я еле успела его перехватить:

– Чучело! Ты хоть куртку-то надень, холодно на улице!

К счастью, пока мы несли свою поклажу по лестнице и укладывали в багажник «копейки», нам не попался никто из соседей – только ободранная черная кошка проводила нас заинтересованным взглядом, но я решила не считаться с приметам: все плохое сегодня, по моему, уже случилось.

Закрыв багажник, я вытерла пот со лба и вздохнула с облегчением.

– Садись за руль, сокровище! Права-то не забыл? Поезжай не спеша, соблюдай все правила – нам только не хватает, чтобы гаишник остановил...

– Куда? – растерянно спросил ненаглядный.

– Куда? – повторила я и ненадолго задумалась. – Пока к Выборгскому шоссе.

Я вспомнила одно местечко недалеко от города, куда ездила один раз за грибами.

Мы проехали по проспекту Науки, по Тихорецкому. На углу проспектов Культуры и Луначарского скучал одинокий гаишник. Увидев на пустой ночной улице нашу машину, он махнул рукой. Только этого нам не хватало!

Скосив глаза на ненаглядного, я увидела, что лицо у него блестит от пота, щека подергивается, и шестым чувством поняла, что он собирается нажать на газ.

– Стой, кретин! – злобно зашипела я. – Тормози! Подъезжай к сержанту и улыбайся! Улыбайся, черт бы тебя побрал!

– Сержант Трясогузкин! – представился гаишник, подходя к нам неторопливой вальяжной походкой. – Попрошу ваши права!

Мой ненаглядный трясущимися руками перебирал пачку документов. Похоже, он совсем перестал соображать. Я выдернула у него из рук пластиковый квадратик, перегнулась через этого идиота и высунулась в водительское окно с самой чарующей улыбкой, откуда только что взялось:

– Трясогузкин? Какая у вас милая фамилия. А вы всегда дежурите на этом перекрестке? Я вас раньше никогда не замечала, а как можно не заметить такого интересного мужчину?! Вот наши права! А что, разве мы что-нибудь нарушили?

– У вас не горит левый габаритный фонарь, – пробасил Трясогузкин, растерявшийся от моей болтовни.

Он хотел продолжить, но я затараторила:

– У этого ужасного человека, – кивок в сторону ненаглядного, – руки растут не из того места. Он так запустил машину! Это просто кошмар! Но вы не беспокойтесь, товарищ сержант, я возьму этот вопрос под свой личный контроль. Левый габаритный фонарь, вы говорите? Я заставлю его все сделать! Прямо с утра! И левый габаритный, и правый габаритный... Мы сейчас очень торопимся, потому что у нас собака не гуляна, но все равно я ему говорю: «Герман, поезжай аккуратно, не превышай скорость, соблюдай все правила... Матильда подождет...»

– Какая Матильда?! – спросил слегка обалдевший сержант Трясогузкин.

– Как – какая Матильда?! – переспросила я с удивлением. – Наша собака, ризеншнауцер! Та, которая не гуляна! Но я все равно сказала: «Герман, не превышай скорость!» Мы ведь не превышали скорость?

– Не... не превышали, – нервно ответил вконец запутавшийся сержант, – поезжайте... к Матильде. – И он торопливо сунул ненаглядному права, окинув его при этом жалостливым и сочувственным взглядом: терпи, мол, мужик, раз уж женился на такой, сам дурака сваял...

Только отъехав на безопасное расстояние от перекрестка, ненаглядный скосил на меня глаза:

– Ну, ты даешь!

– А ты как думал? – гордо ответила я. – Что бы ты без меня делал? Не отвлекайся! За дорогой следи!

– А если бы он попросил багажник открыть? – не унимался ненаглядный.

– Если бы да кабы... еще что-нибудь придумала бы!

Но, честно говоря, я сама была очень удивлена неожиданно открывшимися у меня способностями. Я была просто уверена, что сумею заморочить голову сержанту. Так оно и вышло. Нельзя сказать, что я не боялась, но чувство страха придавало всем ощущениям особенную остроту. Я прислушалась к себе и поняла, что изменилось: исчезла постоянная гнетущая скука. Эта скука, преследовавшая меня с детства в доме родителей, скука, с которой я свыкалась, как больной ревматизмом свыкается с ломотой в костях, скука, казалось растворенная у меня в крови, наконец исчезла, и кровь бурлила и пузырилась во мне, как шампанское в бокале.

Больше нам никто не попадался. Ночное шоссе было пустынно. Узнав знакомую дорогу, я велела ненаглядному свернуть с Выборгского шоссе. Километров через пять мы еще раз свернули на проселок, потом – на грунтовку. Я с ужасом ожидала, что мы вот-вот застрянем, но Бог миловал. «Копейка» потихоньку тащилась через весенний лес.

Наконец сбоку от дороги я увидела большую круглую яму, до краев наполненную водой, – наверное, оставшаяся от войны воронка.

– Здесь, мы оставим ее здесь.

Мы остановились, открыли багажник, вытащили оттуда тяжелый и неудобный сверток... Я старалась не думать о том, что там внутри. Сверток с громким плеском ушел в темную воду, и рябь на поверхности быстро успокоилась.

Я выпрямилась и огляделась.

Мне никогда, пожалуй, не приходилось бывать ночью в весеннем лесу. Кое-где еще виднелись пятна нерастаявшего снега, но в основном снег уже сошел, обнажив темную прошлогоднюю траву, сухой черничник и сгнившие листья. Пахло влагой, свежестью и ночью. Меня охватило какое-то странное возбуждение. Кровь бурлила еще сильнее. Я совершенно не думала о том, что минуту назад избавилась от трупа незнакомой мне женщины; я чувствовала только, что молода, полна сил, что вокруг меня – весенняя ночь... Я по-звериному втянула носом воздух и уловила множество пьянящих ароматов. Как хорошо весной! Хочется стать какой-нибудь лосихой и мчаться через ночной весенний лес, вдыхая умопомрачительный запах просыпающейся земли, чувствуя кожей мягкое прикосновение голых еще веток, и где-то там, в чаще, встретить своего лося...

Я передернула плечами, сбрасывая странное гипнотическое наваждение. Нужно было скорее выбираться из этого места.

Всю обратную дорогу я молчала, с удивлением прислушиваясь к собственным ощущениям. Неужели мне для полноты жизни нужно чувство опасности, риска, неужели у меня, совершенно обычной дочери бедных немолодых родителей, в глубине души таятся криминальные наклонности?

– Куда теперь? – нарушил молчание ненаглядный.

– Отвези меня домой, а сам...

– Я не могу вернуться домой среди ночи! – резко возразил он. – Мать очень больна, она разволнуется, придется возиться с ней до утра. И в ту квартиру вернуться не могу.

– Естественно, – не могла не согласиться я. – В той квартире нам с тобой делать нечего.

Я еще раз внимательно на него посмотрела. Похоже – успокоился, а что там на самом деле... Может, и не врет про мать. И, пожалуй, лучше его не отпускать сейчас одного никуда. Пусть до утра на глазах будет.

– Ладно, едем ко мне. Родители на даче, никто не помешает.

Я редко приглашаю домой своих знакомых. Даже если родителей нет дома, я смотрю глазами постороннего человека на вытертый линолеум в прихожей, прикрытый разноцветными половиками, сплетенными мамой из старых тряпок, на сшитые ею когда-то уже старенькие ситцевые занавески на кухне, на алюминиевые кастрюли, вдыхаю стойкий запах хозяйственного мыла...

Покупала я с полочки и моющие средства, и новые полотенца и занавески – все напрасно. Мать прятала вещи в шкаф, а «Фейри» пользуюсь только я. Так было всегда, сколько себя помню. Все новое – в шкаф, и донашивается старое, пока не истлеет до дыр.

– Есть хочешь? – спросила я, так как неожиданно почувствовала вдруг зверский голод.

В общем, и неудивительно – последний раз ела сегодня, вернее, вчера в три часа дня. Ненаглядный от еды отказался, но робко поглядывал на дверь ванной, душ-то принять ему сегодня так и не удалось. Пока он плескался, я обшарила кухню. Мать оставила целую латку голубцов и еще полпирога с рыбой. Все-таки приятно, когда кто-то о тебе думает...

Мы быстро разобрали постель и легли, стараясь не касаться в разговоре недавно выброшенного трупа. Ненаглядный отвернулся к стене и вскоре задышал ровно. Я же не могла сомкнуть глаз. Словно сегодня в лесу мне передались от пробуждающейся земли какие-то соки. Они бродили во мне, набухая. Я поняла, как чувствуют себя деревья весной. Вот почки растут и лопаются, наконец, со сладкой болью, и солнышко ласково пригревает едва появившиеся клейкие листочки...

Кровь по-прежнему бурлила во мне. Меня переполняло страстное желание любви, ну да, очевидно то, что я сейчас испытываю, называется страстью. Но к кому? Не к этой же туше, не к этому посапывающему сундуку, что лежит рядом со мной.

Я ткнула ненаглядного кулаком в бок, чтобы подвинулся, потом улеглась поудобнее.

«Нет худа без добра, – думала я, засыпая, – зато мы наконец-то расстанемся с ненаглядным навсегда. После всего, что случилось, ноги моей не будет в его квартире. Завтра я выпрожу его домой и больше никогда не увижу».

Если бы я знала, как я тогда ошибалась...

Герман включил зажигание, прогрел мотор и, не торопясь, выехал со стоянки. У самых ворот к нему бросилась молодая женщина с большой сумкой в руках.

– Шеф! Прошу вас, подвезите!

Это было так похоже на то, что случилось позавчера – девушка, сумка и эта фраза, – что Герман от страха покрылся холодным потом. Все это снова обрушилось на него: полная газа квартира, жуткая боль в затылке, мертвое женское тело на диване, ночная поездка по городу с трупом в багажнике, черный лес, жуткий плеск воды, смыкающейся над трупом... Посерев лицом, он резко вдавил в пол педаль газа и рванул вперед, чуть не сбив какую-то зазевавшуюся старуху... Однако далеко уехать ему не удалось. Перед ним вынырнул, подрезая «копейку», черный джип «чероки» с тонированными стеклами, а когда он, ударив по тормозам и чудом избежав столкновения, взглянул в зеркало заднего вида, то увидел, что сзади вплотную к нему, встала «девятка» цвета «мокрый асфальт».

Из джипа вышли двое парней в черных кашемировых полупальто: один – широкоплечий накачанный блондин, второй – худой брюнет с узким нервным лицом.

Подойдя к «копейке», брюнет наклонился и спросил:

– Что же это ты, падла, с девушкой так грубо обошелся?

– С к-какой девушкой? – заикаясь от страха спросил Герман.

– С какой? – переспросил брюнет, удивленно подняв брови. – С той, которая тебя вежливо попросила подвезти. А что, была еще одна?

– Не знаю никакой девушки! Что вам о меня надо? – истерично закричал Герман, надеясь, что на шум кто-нибудь обратит внимание.

– Что ты с ним базаришь, Брюль? – гнусавым голосом вступил в разговор накачанный блондин, презрительно оттопырив нижнюю губу. – Он это, как пить дать, он! Видел, как психанул, когда Жанка к нему сунулась?

– Сейчас, Шило, – покосился брюнет на напарника, – сейчас мы его газетчику покажем.

От ближнего торгового центра в сопровождении плечистого мордоворота в короткой кожаной куртке шел инвалид, торговавший на улице газетами.

– Ну, – повернулся к газетчику брюнет, – этот?

Газетчик, преисполненный чувства собственной значимости, внимательно оглядел бежавую «копейку», обошел ее сзади, взглянув на номера.

– Машина эта, – солидно кивнул он, – я ее, считай, каждый день вижу, она по вечерам с этой стоянки выезжает. Номер весь не помню, но там точно «ХР» было и здесь – видите? – 774 АХР... Точно, эта машина.

– Ну и что ты видел вчера? – подозрительно осведомился брюнет.

– Да я же говорил уже...

– Отвечай, козел, когда спрашивают! – рявкнул на газетчика блондин. – Мало ли что говорил!

Обиженный и испуганный инвалид негромко забубнил:

– Ну, девка эта шла очень быстро, чуть не бежала...

– С какой стороны? – вклинился брюнет.

– Оттуда. – Газетчик махнул рукой в сторону соседнего квартала, где за небольшим сквером сверкал разноцветными огнями серый куб казино «Квинн».

– Дальше! – Брюнет буравил старика взглядом. – Было у нее что-нибудь в руках?

– Сумка большая, – торопливо ответил газетчик.

– Дальше!

– А дальше... вот этот выехал со стоянки, – инвалид кивнул на Германа. – Она ему замала, голоснула значит, он ее и посадил...

– Ну, ясно все с этим козлом, – привычно, прогнусавил блондин, приближаясь к бежевой «копейке».

Брюнет кивнул, махнул рукой старику:

– Свободен, – и снова наклонился к Герману: – Значит, ты вчера подвозил девушку?

– Ну, подвозил, – пробормотал Герман, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног. –

А что, нельзя, что ли?

– Да нет, почему нельзя? – брюнет пожал плечами. – Просто ты сейчас съездишь с нами в одно место... тут неподалеку, и расскажешь об этой девушке все, что знаешь: куда возил, что видел...

С этими словами он распахнул дверцу «копейки» и, жесткими пальцами схватив Германа за шею, повел его к джипу. Горло у Германа перехватило от липкого спазма, сердце зашлось, он только разевал рот как рыба, но ни сказать, ни крикнуть ничего не мог.

«Копейку» один из бандитов отогнал на стоянку.

Германа поддерживали за локти, чтобы он не свалился, спускаясь по гулкой железной лестнице.

Наконец ему развязали глаза.

Они находились в длинном низком подвале, ярко освещенном лампами дневного света. Под потолком подвала тянулись ржавые металлические трубы, покрытые каплями конденсата. Вдоль стен тоже проходили трубы меньшего диаметра. К одной из них Германа пристегнули наручниками. Вокруг поставили несколько стульев и маленький столик, на котором были разложены странные и неожиданные предметы: никелированные щипцы и клещи стоматолога, обычные слесарные тиски, пассатижи, электрический паяльник...

Герман уставился на эти инструменты расширенными от ужаса глазами. До него начало доходить их назначение.

Худощавый брюнет снял пальто, сбросил элегантный синий пиджак, закатал рукава белоснежной рубашки и подошел к столику. Озабоченно перебрав разложенные на нем инструменты, он поднял глаза на Германа. В его взгляде не было ни жестокости, ни кровожадности – только любопытство, что-то родственное научному интересу естествоиспытателя, и от этого Герману стало невыносимо страшно. На какой-то миг ему показалось, что все, происходящее с ним, всего лишь кошмарный сон, и сейчас он проснется... но тут же он понял, что никакие страшные сны не могут сравниться с действительностью.

Есть люди, которые могут жить, только если их жизнь подчиняется твердо установленному порядку. Попробуйте нарушить этот порядок, выбейте такого человека из колеи, и жизнь его рухнет как карточный домик.

Не будь рядом с ним Катерины, Герман сломался бы еще в субботу, вернее, он просто не очнулся бы и умер от удушья. Она же вытащила его из духовки, наполненной газом, привела в чувство, а потом направляла его действия. Когда же они расстались вчера утром, Герман начал сходить с колеи. Он провел остаток воскресенья в каком-то трансе, спал беспокойно, а утром немного приободрился от привычных действий – завтрака, утреннего туалета – и поехал на работу. И вот вечером, когда он выруливал, как обычно, со стоянки, где днем держал свою «копейку», весь субботний кошмар начался снова.

Брюль выбрал наконец большие блестящие щипцы и направился к Герману, сжимая свой ужасный инструмент в руке. Герман оглянулся по сторонам. Никого не было в этом подвале, он один против бандитов, никто не придет на помощь, они запытают его до смерти...

Держись он потверже, бандиты бы отступили. Но время было упущено, и страх подточил силы, которых и было-то немного.

– Не нужно, – еле слышно проговорил Герман, – не нужно, прошу вас. Я все вам расскажу. Я ее не убивал. Когда я пришел в сознание, она уже была мертва...

Брюнет остановился на полдороге, удивленно подняв брови:

– Ты чего это там бормочешь? Убита? Кара убита? Вот так сюрприз!

Неожиданно к Герману подскочил плотный бандит, которого приятели несколько раз называли при нем Шилом, и с разбегу ударил ногой в живот:

– Ты, козел! Ты чего тут лепишь? Кто это мог без нас Карку убить? Ты сам ее и убил, когда бабки увидел!

– Постой, Шило, – негромко проговорил Брюль, внимательно разглядывая Германа, – ты еще успеешь физкультурой позаниматься. Я хочу поговорить, пока клиент в настроении.

Он приблизился к Герману, заглянул ему в глаза и вполголоса произнес:

– Ты тут интересные вещи рассказываешь. Значит, Кару убили? А денежки-то, денежки-то где? Тут Шило прав: ты, мразь вонючая, сам и убил ее из-за денег. И ты знаешь, я на тебя не буду сердиться, я бы, наверное, и сам ее убил. Девушка совсем от рук отбилась. Но вот денежки ты нам отдай, а то я просто за тебя боюсь, падаль ты гнойная.

Брюль говорил все это таким спокойным, едва ли не ласковым голосом, что Герман просто затрясся от страха. Лицо его было совершенно белым, губы дрожали, глаза вылезали из орбит.

– Я ничего не знаю! – завизжал он, совершенно ничего уже не соображая. – Я не видел никаких денег! Я ее не убивал! Меня самого хотели убить! Когда Катя пришла, я был без сознания, в квартире полно газа, а эта ваша... Кара уже была мертвая!

– Катя? – оживился Брюль, услышав в новое имя. – Что еще за Катя?

– Катя... это моя де... девушка...

И тут же мелькнула мысль, что зря он назвал ее имя. Ведь она спасла ему жизнь и вообще... она женщина. Но живот жутко болел от удара, и в голове все смешалось.

«Она сама виновата! – пришла безумная мысль. – Зачем она вообще пришла в субботу. Зачем закрутила газовые краны? Я бы умер и не мучился сейчас...»

– Как интересно! – восхитился Брюль. – Значит, эта твоя... девушка Катя нашла вас с Карой, причем ты был без сознания, а Кара – уже того?

Шило снова подскочил к Герману и опять с размаху заехал ему ногой в живот. Живот ответил на удар привычной резкой болью.

– Ты, козел! – завопил Шило. – Ты Карку трахал? Говори! Трахал, а потом убил!

– Шило, ты повторяешься, – скучающим голосом сказал Брюль, – хотя, конечно, бить в одно и то же место – это хорошо, так оно больнее. Только я это все немного по-другому вижу. Наш упитанный друг, – Брюль, осклабившись, кивнул на то, что осталось от Германа, – наш упитанный друг посадил Кару в свой лимузин – тут его можно понять: Кара была девушкой безнравственной, но красивой. Он привез ее к себе домой... Зачем это было нужно ему – понятно, у него были грязные намерения, а вот зачем это было нужно Каре...

– Слушай, Брюль, – прервал партнера Шило, – ну чего ты так долго базаришь?

– Ты, Шило, слушай, когда умный человек говорит, слушай и учись. Так вот, Каре этот вонючий козел понадобился, чтобы от нас удрать с деньгами и отсидеться пару дней. Ради такого дела она даже согласилась с этой рухлядью трахнуться... Значит, эта сладкая парочка вовсю развлекается, а в это время приходит старая боевая подруга нашего маленького Казановы. Эти двое так увлечены практической Камасутрой, что ничего вокруг себя не замечают,

а, как ее, Катя от такого зрелища приходит в ярость, хватает что-нибудь тяжелое – что там у женщин принято – скалку или ножку от табурета, – и как следует прикладывает по черепу обоих развратников... Потом она осматривает поле боя и тут находит Карину сумку с нашими денежками. Думаю, она очень обрадовалась, и мысли ее приобрели новое направление. Деньги она прячет, Кару, допустим, душит подушкой – соединяя, так сказать, приятное с полезным, а этого заплесневелого гриба, – Брюль снова мотнул головой в сторону Германа, – приводит в чувство, внушая ему, что он обязан ей своей поганой жизнью...

– Ну ты, Брюль, даешь! – восхитился Шило. – Классно все разжевал! Наверняка так оно и было!

– Ты, герой-любовник, – Брюль повернулся к Герману, поигрывая щипцами, – а куда вы покойницу-то дели?

– Мы... мы ее в лес увезли... за город и сбросили в яму, утопили... там воронка такая, полная воды...

– Ну какие же вы молодцы! – Брюль расхохотался. – Прямо как взрослые! Фильмов, что ли, насмотрелись по виду? Кто вас надоумил-то?

– Это... это Катя... я уже ничего не соображал, она мне говорила, что делать...

– Ну, насчет того, что ты ничего не соображал, – я тебе охотно верю. Похоже, это твое обычное состояние. А вот твоя Катя вызывает у меня все больший интерес. Видно, девочка не из слабых. И очень неплохо умеет все просчитывать. Наверняка она тебя потому и не грохнула, чтобы ты ей помог Карины мощи пристроить... Нет, я определенно хочу познакомиться с этой Катей! Тем более что теперь это просто необходимо. Девочка нечаянно унесла наши деньги...

И тут же Брюль с неожиданной яростью схватил Германа за волосы, ударил его коленом в многострадальный живот и заорал:

– Где эта твоя Катя?! Колись быстро, падаль!

Герман уже совершенно потерял человеческий облик. Землисто-серый от страха, трясущийся, как желе, он, как зачарованный, смотрел на блестящие щипцы в руке Брюля. Ему казалось, что тело его разваливается на части, части – на маленькие кусочки, а кусочки – вообще на молекулы. Послушно и безвольно, как автомат, он заговорил:

– Катя... она работает в магазине «Все для дома», в отделе электротоваров...

– До которого часа она на работе?

– До семи часов.

Шило вдруг схватил лежащую на столике электродрель, сунул вилку в розетку ярко-желтого удлинителя и заорал, перекрывая визг дрели:

– Говори быстро, какая из себя твоя девка, масти какой?

– Ры... рыжая, – икнул Герман и вдруг осел и забился в припадке. Кататься по полу ему не позволяла прикованная к трубе рука, но голова билась о камень с глухим стуком.

– Эй, – заорал Брюль, – Шило, ты что сделал-то? Он нам еще нужен.

– Кой черт? – недовольно оправдывался Шило, выключив дрель. – Да я его и не касался. И ударил-то всего два раза, ты же сам видел. Ну и дерьмо же, ну и слабак!

Повинуясь знаку Брюля, подошел бандит и вылил на голову Германа ведро воды. Тот затих, изредка вздрагивая от холода и глядя вокруг безумными глазами. Карточный домик рухнул окончательно.

В понедельник на работе я все время дергалась, хамила покупателям, невпопад отвечала на вопросы... У меня было какое-то скверное предчувствие. Неудивительно, если девушка нервничает, накануне утопив, напару со своим ненаглядным, свежую покойницу, но здесь было что-то другое – я ждала новых неприятностей, все время косилась на двери магазина...

Мы с ненаглядным условились, что в понедельник он позвонит, но вот уже прошло полдня, а от него ни слуху ни духу. В середине дня я не выдержала и решила позвонить на мобиль-

ник ненаглядному. Дело в том, что мобильный телефон у него есть, но он им не пользуется, говорит, что это ужасно дорого. А зачем тогда было его покупать? На всякий случай, если возникнет жизненная необходимость. Он и тариф такой выбрал, чтобы не платить, когда не пользуешься, без абонентской платы. Но я решила, что сейчас как раз экстренный случай. Честно говоря, я боялась, что этот балбес пойдет в милицию. От него ведь всего можно ожидать. Он с субботы в таком состоянии, что может сморозить какую-нибудь глупость, которую потом вовек не расхлебашь.

Короче, я набрала номер его мобильника, и приятный женский голос мне вежливо сообщил, что обслуживание абонента временно приостановлено. Вот свинья, он еще и мобильник выключил!

После обеда ко мне подошла Алла Федоровна и в свойственной ей хамской манере говорит:

– Дроздова, что с тобой сегодня происходит? У тебя что – критические дни? Может быть, пора искать другую работу? Пойди прими товар у Шарапова, а я, так и быть, постою за тебя в отделе.

Благотельница нашлась! Ей просто не хочется этот товар принимать! Вот она и спихнула на меня. У этого Шарапова товар мелкий, муторный, а сам он жуткий тупица и тормоз, вечно все путает, документы неправильно оформляет, вот с ним никто и не любит возиться. Ну да с Аллой не поспоришь.

Я вошла в подсобку и застонала. Шарапов, как всегда, привез чертову прорву дурацких польских розеток, причем в коробке у него россыпью лежали отдельно сами розетки, отдельно – рамочки, в которые эти розетки вставляются, отдельно – крепеж для их установки, то есть всякие там шурупы и винтики. Все это пересчитать – работа не для слабонервных.

А тут он еще протянул мне накладную, в которой все цены были проставлены в условных единицах. Я на него уставилась с ненавистью:

– Шарапов! Мы тебе сколько раз говорили, чтобы цены в накладных были только рублевые!

Он стал суетиться, извиняться:

– Сейчас, Катюша, я все перепишу!

– Переписывай! – говорю.

А сама снова набрала номер телефона ненаглядного. Опять тот же голос сообщил мне, что обслуживание абонента временно приостановлено.

В подсобке у нас окно, которое выходит на пар козовую площадку перед магазином, и я зачем-то все время в это окно посматривала. Шарапов сел переписывать накладные, я взяла себя в руки и начала считать всю эту мелкую польскую дрянь. Кропотливая механическая работа успокаивает нервы, и я понемножку пришла в норму. Только время от времени посматривала в окно.

Работа у нас была долгая, время понемногу подходило к концу рабочего дня, и товар уже заканчивался. И тут, посмотрев очередной раз в окошко, я увидела, что к нашему магазину подъехал черный джип «чероки». В этом, конечно, не было ничего удивительного – и джипы, и «мерсы» всякие к нам заезжают довольно часто, магазин хороший и в городе известный, но этот джип подъехал... ну не как за покупками, как-то слишком нагло, быстро так. И колесами встал на тротуар, и затормозил слишком резко...

Когда эти братки заезжают за покупками, они ведут себя неторопливо, подъезжают плавно, выходят спокойно, а этот так резко подкатил, и сразу двое выскочили и быстрым, решительным шагом направились в магазин.

То есть ясно, что люди пришли по делу. А что они – не наша «крыша», я точно знала. Нашу «крышу» знали все в магазине, бригадир ее, Вадик Улиткин, у нас просто как родной. По крайней мере он так считает.

Так вот, принимая во внимание все эти соображения, я еще больше заволновалась. Отставив коробку с шараповской белибердой, я тихонько вышла в коридор и незаметно выглянула в зал.

Двое мордovorотов из черного джипа быстрым уверенным шагом направились прямо в отдел электротоваров. В мой то есть отдел. Один из них подошел вплотную к Алле Федоровне и что-то ей тихо сказал. Даже оттуда, где я стояла, то есть через весь торговый зал, было видно, как Алла побледнела и тихонько вышла из отдела и пошла рядом с этими мордovorотами к выходу из магазина. Молча оставила отдел и пошла обреченно. Второй мордovorот шел следом, оглядываясь по сторонам.

Девчонки все были заняты с покупателями, а охранник Григорий куда-то отлучился, мерзавец. Когда нужно, его вечно на месте нет!

Когда они дошли до дверей, я мгновенно кинулась обратно в подсобку и прилипла к окну, чтобы ничего не пропустить. Шарапов оторвал измученный взгляд от своих накладных и удивленно на меня уставился.

А там, за окном, события развивались так: Аллу грубо втолкнули в джип, двое бандитов – а то, что это бандиты, было ясно как Божий день – влезли следом, и машина резко сорвалась с места. Но самое удивительное произошло потом. Проехав вокруг площади, джип остановился. Дверца распахнулась, и оттуда вылетела Алла – помятая, растрепанная, в порванном жакете – и с размаху шлепнулась на асфальт.

Я не сомневалась, что все продавщицы, побросав свои отделы, прилипли к витринам и в полном восторге наблюдают за этим незабываемым зрелищем. Аллу Федоровну в магазине, мягко говоря, не любят.

Но я этой картиной любовалась недолго, потому что до меня наконец дошло, что Аллу взяли вместо меня, а сейчас они обнаружили свою ошибку и вернутся.

Наверняка этим двум дебилам велели привезти продавщицу из отдела электротоваров, вот они и взяли, что под руку попало. А в машине у них сидел кто-нибудь поумнее. Или кто-нибудь, кто знает меня в лицо. Например, ненаглядный, осознала я. Вот почему я не могу до него дозвониться. И мордovorотам вежливо указали на их ошибку.

Но додумывать до конца эту интересную мысль мне было некогда. Мне нужно было срочно спасти свою шкуру, единственную и дорогую.

Перескочив через вконец обалдевшего Шарапова, я схватила сумку, вылетела в коридор, пробежала к запасному выходу магазина, через который мы принимаем крупногабаритный груз, и оказалась во дворе. В этот двор, кроме нашей задней двери, выходили двери еще нескольких магазинов и быстро «Лайза». Вот в это бистро я и вбежала. Дело в том, что все магазины выходили на одну и ту же площадь, а бистро – на другую сторону квартала, на улицу Летчика Петрова. Кроме того, в этом бистро я кое-кого знала – соседи как-никак.

Я пробежала через их кухню, выскочила в коридорчик. Там возила по полу шваброй уборщица тетя Дуся, которая и в нашем магазине по совместительству размазывала грязь. Я прижала палец к губам, чтобы тетя Дуся не вздумала от удивления заверещать. – Она меня узнала и хотела что-то спросить, но я быстро ей сказала:

– Потом, потом, тетя Дуся, потом все расскажу! Тетя Дуся, дай мне твой платочек!

Тетя Дуся от удивления разинула рот и без слова отдала свой страшненький платок в сине-зеленых разводах. Я этот платок мгновенно повязала на голову и бросилась к выходу из бистро. Дело в том, что я – не яркая, а волосы у меня заметные – светло-рыжего цвета, и их мне нужно было срочно прикрыть. В этой же детали моей внешности крылась причина, по которой мордovorоты из джипа увели Аллу Федоровну, она тоже рыжая, правда, другого оттенка, немножко в малиновый, и у нее этот цвет не от природы, она красится. Но это не важно, все равно приятно было смотреть, как ее размазали по асфальту.

Короче, я выскочила из бистро и замахала рукой проезжающим машинам. Вторая или третья остановилась, я поскорей плюхнулась на сиденье.

– Куда ехать-то? – спросил водитель.

Я задумалась. Мне пришло в голову, что сейчас я оказалась в таком же положении, в каком была в субботу та девица... как ее... Каролина. Она тоже удирала, причем, может быть, от этих же бандитов, она тоже остановила на улице первую попавшуюся машину, ей тоже некуда было деться. Мне не хотелось думать о том, чем для нее это закончилось.

– Будем стоять или будем ехать? – заворчал водитель. – Я ведь не такси.

– Так, – очнулась я, – отвезите меня отсюда подальше куда-нибудь, где телефонов много.

Мы поколесили по городу, и он высадил меня возле станции метро. Я купила в ларьке таксофонную карту и прежде всего позвонила домой. Родители вернулись еще вчера, отец с утра ушел на суточное дежурство. Я велела матери закрыться на все замки, а по телефону отвечать, что она понятия не имеет, где я и когда вернусь. В противоположность отцу, который на все реагирует криком и руганью, мама принимает все неожиданности молча. Она вообще очень сдержанная. В детстве я думала, что это от равнодушия, но потом поняла, что таким образом она просто отключается от неприятной действительности: бедности, скандального мужа и дочери-неудачницы.

Второй звонок, впрочем, без особой надежды на успех, я сделала на мобильник ненаглядного. На это раз мне ответили.

– Герман, – осторожно спросила я, – почему ты молчишь?

– Здравствуй, Катя, – раздался неприятный мужской голос, – что же ты от нас убежала?

Ах вот как... Нетрудно догадаться, что раз мобильник ненаглядного у бандитов, то и сам он там же. Значит, это он привез их прямо в магазин, сдал им меня, можно сказать, со всеми потрохами.

– Что вам от нас нужно? – как можно спокойнее спросила я.

– Не придируйся, девочка, – угрожающе начал бандит, – нам нужны деньги. Мы знаем, что Карку вы пришили. Но вот куда вы дели деньги?

– Какие деньги? – спросила было я, но прикусила язык.

Значит, они уже знают, что их девчонка убита. А почему это они не должны знать, если сами это сделали? Но что им от меня-то надо? Деньги...

– Я хочу поговорить с Германом, – строго сказала я в трубку.

– Думаешь, он знает, где деньги? – засмеялись на том конце линии. – Если бы знал, давно бы уж нам сказал, поет как канарейка.

– Я поняла, – вздохнула я.

В трубке послышался крик, звук удара, потом стон Германа и неразборчивое бормотанье.

– Ну, ты надумала? – спросил бандит. – А то он так долго не выдержит.

Плюнуть бы на этого паразита и послать их всех подальше. Но ведь он небось выложил им и мой домашний адрес. Куда же мне деваться? Домой нельзя, у магазина они будут дежурить. Завтра утром отец с дежурства придет, еще его прихватить могут. И про какие деньги он тут ведет речь? Внезапно я вспомнила, что Герман завозил девицу на вокзал, где она оставила сумку. Все сходится: в сумке были деньги, которые она сперла у бандитов, поэтому и скрывалась.

И к Герману на квартиру побоялась сумку тащить – вдруг он деньги найдет? Еще и пристукнуть может за такие-то деньги. Что деньги большие, я не сомневалась – уж очень серьезно настроены бандиты. Однако откуда деньги взялись? И каким образом Каролина сумела с ними смыться? И кто же ее тогда убил, если не эти бандиты?

– Ты там не умерла от страха? – поинтересовался бандит.

– Слушай меня внимательно, – медленно заговорила я. – Возможно, деньги я и отдам. Но только при условии равноценного обмена. Ты оставляешь меня в покое и отдаешь мне Германа в целости и сохранности, а я возвращаю деньги – нам чужого не надо.

– Так я тебе и поверил...

– А у тебя выбора нет.

– Я все равно тебя найду! – зарычал бандит.

– Возможно, – согласилась я, – со временем и найдешь. Но пока я на свободе, и ты не знаешь, где меня искать. Пока я буду диктовать условия. Так вот: где он у тебя лежит? На полу к трубе прикованный? – спросила я наугад. – Так покорми, коврик подстели, в туалет своди. В общем, приведи мне его в человеческий вид. Ты пока этим займись, а я через час перезвоню, проверю.

– Сука! – Там бросили трубку.

Я вышла из метро, перешла дорогу и заскочила в небольшое кафе на углу. Кафе было простенькое, люди забегали сюда ненадолго выпить кофе с булочкой – больше там нечего было делать. Я тоже взяла горячий кофе и уселась в уголке подумать.

Совершенно очевидно, что Каролина оставила деньги на Витебском вокзале в камере хранения, но как их оттуда выцарапать, я не имела представления. А с бандитом говорила так нагло, потому что хотела, чтобы они хоть на некоторое время оставили ненаглядного в покое, пусть бедняга передохнет. Хотя он, конечно, сам виноват – распелся. Нужно было твердо стоять на своем: ничего не знаю, никого не видел. Но твердость – это не для моего ненаглядного. А если бандиты решат сорвать на нем злость и еще больше станут издеваться? Что ж, значит, такое его, ненаглядного, счастье. Что у меня есть, какие зацепки? Я порылась в сумочке и нашла в потайном карманчике паспорт Каролины – за всеми событиями совершенно забыла его выбросить. Одежду ее мы выкинули в мусорный бак еще до встречи с гаишником, больше никаких интересных вещей у нее с собой не было. Я пролистала паспорт и на последней странице обнаружила написанные карандашом три крошечные цифры: 354. Очень интересно... Выхода у меня нет, так что стоит смотаться сейчас на вокзал.

Я вышла из кафе и поежилась. Похолодало, и даже собирался дождь. На мне по-прежнему была страшненькая тети-Дусина косыночка и куртка, которую я накинула, чтобы работать в подсобке. В подсобке всегда прохладно, к тому же ящики и коробки грязные, вот кто-то из девчонок и притащил из дома старую куртку – мы все надеваем ее по очереди. Вид у меня в таком прикиде весьма неказистый, к тому же холодно. Но ловить машину все время не будешь – у меня с собой мало денег.

Я огляделась и сообразила, что нахожусь как раз недалеко от того места, где ненаглядный в субботу подсадил в машину Каролину на свое и мое горе. Интересно бы знать, откуда она чапала с сумкой, полной денег? Где находится такое место? Я девушка неленивая, это даже мой отец признает. А еще я любопытная от природы, и хотя сейчас у меня совершенно не было времени, я решила прогуляться до стоянки, на которой ненаглядный ставит машину, когда находится на работе в своей фирме. Сказано – сделано.

Вот он, тот самый угол проспекта Равенства и маленького переулочка. Вот и та самая стоянка, где сейчас машин мало по вечернему времени. А что это такое бежевое и очень знакомое? Да это же старая «копейка» моего ненаглядного! Значит, бандиты прихватили его где-то здесь, увезли, а машину отогнали обратно на стоянку.

А в стороне, но совсем близко, сияла в небе яркая надпись: казино «Квинн». Казино... Где казино, там большие деньги... Не будем думать, каким образом Каролине удалось выиграть. Ясно, что дело тут нечистое, иначе бандиты бы ее не преследовали.

Я подошла к «копейке», подергала дверцу. Сигнализации у ненаглядного не было, а вместо нее он навешивал на руль здоровенное противоугонное устройство. Чтобы не маячить, я достала ключи от машины, которые прихватила в субботу, открыла дверцу и села.

Ключи от машины я взяла случайно, в тот момент у меня не было никакого определенного плана. Но теперь по всему выходило, что ключи мнегодились. Потому что не помню, говорила я или нет, но единственное, что меня отличает от многих небогатых и заурядных молодых женщин – это умение водить машину. Водить я научилась давным-давно, когда у отца еще был старый «горбатый» «Запорожец», на котором мы ездили на дачу. Как уже говорилось, я люблю учиться, и когда отец высказался как-то, что неплохо было бы иметь в семье еще одного водителя, то я мигом поймала его на слове и пошла в автошколу.

«Запорожец» лет пять назад окончательно развалился, но права у меня есть, и когда Вася, наш магазинный водитель, берет меня с собой на склад, я разрешаю ему выпить по дороге кружечку пива, а сама сажусь за руль. Вернее, Вася мне разрешает сесть за руль.

Я проверила права, они лежали в сумочке. Затем нацарапала на листке, найденном в «бардачке», доверенность от ненаглядного и очень похоже изобразила его подпись.

Итак, тронемся потихоньку, не спеша, не нарушая правил. До Витебского вокзала недалеко, доберемся как-нибудь.

Никто меня не остановил – слишком много было на вечерних улицах приличных машин, нищая «копейка» никого не интересовала. Я аккуратно припарковала машину у вокзала и направилась к камерам хранения. У входа в зал за столиком сидел дежурный. Он окинул меня скупающим взглядом и отвернулся.

Камер было очень много. Допустим, что три цифры, нацарапанные карандашом на последней страничке паспорта, – это номер ячейки. Я поправила страшную тети-Дусину косынку, чтобы из-под нее не были видны предательские рыжие космы, и решительно зашагала по залу с ровными рядами серых металлических ящиков.

Сотые номера... здесь направо – двухсотые, теперь сюда, налево... вот она – ячейка номер 354. Четвертая слева в среднем ряду. Обыкновенная ячейка, такая же как все. Закрытая. К счастью, удобно расположена – в тупичке, который от входа не просматривается, так что я смогу здесь немножко поработать, не привлекая внимания.

Будем считать, что камера – та самая, потому что в противном случае мне здесь делать нечего. Все довольно логично: Каролина приехала на вокзал с сумкой, а уехала без нее. Значит, оставила ее здесь, скорее всего – в камере.

Дальше. Ячейку она не выбирала, воспользовалась той, которая была свободна, ее номер записала, а вот код замка могла выбрать какой угодно.

Я вспомнила, что сама, когда ездила с подругой в Севастополь, оставляла там вещи в такой же камере и в качестве кода набрала год своего рождения. Наверное, это первое, что приходит в голову. Хорошо. Я раскрыла вторую страницу паспорта и прочитала год рождения Каролины – 1976. Набрала на дверце ячейки эти четыре цифры... и ничего не случилось – никакого щелчка или зуммера... На всякий случай я подергала дверцу – вдруг она все-таки откроется. Но она, конечно, не открылась.

Этого и следовало ожидать – вряд ли Каролина была такой дурой, чтобы выбрать код, который всякому тут же придет в голову, тем более что год ее рождения приблизительно определить не так уж трудно. То, что я тогда в Севастополе не особенно изощрялась, – это понятно, ну что там было у меня в чемодане – пара платьев, да купальник, да несколько полотенец, а здесь, судя по всему, спрятаны немалые деньги.

Я еще немного подумала и набрала те же четыре цифры в обратном порядке – 6791. И тоже ничего не случилось. Что же делать? Скорее всего – это совершенно безнадежное занятие. Кто ее знает, какой код она набрала?..

Если исходить из того, что на свою память она не слишком полагалась – вот ведь даже номер ячейки записала прямо в паспорте, – значит, код она тоже должна была записать... или набрать такие цифры, которые точно не забудет. Ничего, кроме паспорта, у нее с собой не было. А что есть в паспорте? Год рождения я уже попробовала, этот номер не прошел... Думать,

думать... Еще в паспорте есть... номер самого паспорта. Серия и номер. Серия – одна римская цифра и две буквы – не подходит, остается номер. Но номер паспорта – шесть цифр, а код ячейки – четыре. Значит, нужно набрать не весь номер... Я лихорадочно набрала первые четыре цифры номера – 6845, и снова ничего не произошло.

В проходе между рядами ячеек показался дежурный – видимо, его насторожило то, что я так долго вожусь со своей ячейкой. Я достала зеркальце и стала с озабоченным видом вынимать несуществующую соринку из глаза. Дежурный окинул меня взглядом и ушел. Пока. Через несколько минут он снова вернется и уже не отвяжется. Думать. Думать... На это раз я набрала последние четыре цифры – 4508. Снова полная тишина. На всякий случай, опять подергав ручку, я тяжело вздохнула. Нет, конечно, это совершенно безнадежно – пытаться угадать, какие цифры набрала на этой проклятой дверце злополучная Каролина. Да может быть, и ячейка-то совсем не та, может быть, она что-то совсем другое записала у себя в паспорте... Нет, надо плюнуть на эту камеру и убираться отсюда подбру-поздорову, пока дежурный не вернулся.

На всякий случай, уже без малейшей надежды на успех, я набрала еще одну комбинацию – четыре средние цифры номера паспорта 8450 – и уже собралась уходить, как вдруг через пару секунд после того, как я закончила набор номера, в дверце что-то загудело и щелкнуло. Не веря своей удаче, я потянула за ручку ячейки, и дверца открылась.

Внутри металлического ящика лежала темно-коричневая кожаная женская сумка, довольно большая – вроде торбы с завязками наверху. Оглядевшись по сторонам, я вытащила эту торбу, потянула завязки и заглянула внутрь.

В сумке лежали деньги. Очень много. Столько денег я никогда в жизни не видела и поэтому не могла определить, сколько их, но там были плотные банковские упаковки по пятьсот, сто и пятьдесят рублей. Я даже как-то испугалась такого количества денег. Одну упаковку сторублевки я достала из торбы и переложила в свою сумку, а торбу снова завязала. Не ходить же по городу с такими деньгами!

В просвете между ячейками снова показался дежурный. Я с деловым и решительным видом убрала кожаную торбу обратно в ячейку, набрала на внутренней стороне дверцы новый шифр – воспользовавшись опытом Каролины, я выбрала четыре средние цифры из моего домашнего номера телефона, – закрыла ячейку и пошла прочь из камеры хранения.

Дежурный проводил меня скупающим взглядом. Пройдя в зал ожидания, я нашла свободное место, села и задумалась.

Картина событий понемногу прояснялась.

Итак, Каролина действительно каким-то образом стащила у этих бандитов из черного джипа деньги. Поскольку она остановила машину моего ненаглядного возле казино, можно предположить, что деньги эти – выигрыш или что-нибудь в этом роде. Каролина решила смыться с деньгами и с этой целью соблазнила моего лопуха. Он-то хорош! Вообразил, что может представлять для такой девицы интерес... Ладно, не буду отвлекаться.

Она приезжает в «нашу» квартиру. Нет, сначала она просит завезти ее на этот вокзал и прячет деньги в ячейку, а мой ненаглядный в это время, чувствуя, к чему идет дело, звонит мне на работу и отменяет свидание. Вот ведь козел! Ну ладно, я опять отвлеклась. Короче, они приезжают в «нашу» квартиру, всю там развлекаются, потом мой ненаглядный по своей привычке удаляется в душ, и в это время кто-то, проникший в квартиру, бьет его по голове и убивает Каролину. Странно, очень странно! Если это был один из «друзей» Каролины – бандитов из джипа, зачем они ее убили? Им нужно было выбить из нее деньги, а для этого она нужна живой. Скорее уж в такой ситуации уколошили бы моего ненаглядного. Кроме того, из непродолжительного разговора с бандитами у меня сложилось впечатление, что они не знали ничего о «нашей» квартире и о том, что в ней произошло в субботу. Нет, определенно что-то здесь не так!

На некоторое время течение моих мыслей было нарушено грубой прозой жизни. Мне понадобилось в туалет. Я обежала взглядом зал и нашла нужное мне заведение в дальнем его конце. Однако когда я подошла к двери и заглянула внутрь, мне расхотелось туда заходить – так там было грязно. Незнакомая женщина увидела выражение моего лица и вполголоса сказала:

– Поднимитесь на второй этаж, там платный, но почище.

Я поблагодарила ее и пошла вверх по лестнице. На втором этаже я шла мимо большого окна, выходящего на площадь. На всякий случай я выглянула в окно, решила проверить как там поживает бежевая «копейка» моего ненаглядного.

И тут я замерла на месте, забыв все на свете, даже свое желание посетить туалет.

Из многострадальной «копейки» вылезал какой-то человек. Он захлопнул дверцу, огляделся и спокойно пошел по площади. На улице было довольно темно, и сначала мне не удалось его разглядеть, но через несколько шагов он оказался под фонарем.

Это был молодой спортивный парень в черной кожаной куртке, в черных джинсах, вязаной шапочке. Парень как парень. Увидишь на улице – не обернешься. Тот самый парень, который спускался со второго этажа «нашего» дома, когда я пряталась за подвальной дверью. Та же мягкая пружинистая походка. То же самое чувство страха, возникшее у меня внизу живота. Этот парень явно не был похож на обыкновенного автомобильного вора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.